

М. А. МАМОНТОВА

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ*

В статье предпринята попытка реконструировать сеть коммуникаций в отечественной исторической науке на основе обзора журнальной периодики второй половины XIX – начала XX вв. Выделены основные уровни коммуникативного пространства исторической науки, представлена структура периодических изданий, которая позволяет показать особенности внутринаучной, междисциплинарной и внеакадемической коммуникации историков.

Ключевые слова: *историческая наука России рубежа XIX–XX вв., коммуникативное поле, журнальная периодика.*

В современных гуманитарных исследованиях в связи с поворотом к историко-антропологической модели растет значимость изучения социальных практик творческой личности, коммуникативного пространства науки. В отечественной историографии эта проблематика косвенно нашла отражение в scholarly исследованиях¹, в изучении корпоративных норм и ценностей, внутреннего мира науки², в генерационном подходе³. Периодика как одна из форм сосредоточения наукотворчества, формализованная самоорганизация науки стала предметом исследования М. П. Мохначевой⁴. Автор в разделе, посвященном семантике знаковых систем журналистики и исторической науки России в XVIII–XIX вв., прослеживает процесс рождения языка науки, развитие коммуникативной функции журнала, осуществляющего, с одной стороны, обмен научными идеями внутри сообщества, а с другой, – формирование «историографи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02. 740. 11. 0350.

¹ Мягков. 2000; Цамутали. 1993; Ананьич, Панях. 2000; Брачев. 2001; Ростовцев. 2004; Алеврас. 2005; Гришина. 2010.

² Мягков, Филимонов. 2009; Корзун. 2009; Алеврас. 2008; Свешников. 2005; Гришина. 2009; Антощенко. 2009; Кныш. 2008; Мамонтова. 2010.

³ Сидорова. 2008; Кефнер. 2006; Серых. 2010.

⁴ Мохначева. 1998–1999.

ческого компонента» общественного сознания. Журнал выступал как совокупность «текст-источников», фиксирующих развитие исторической науки и исторического самосознания индивида и общества, а также как субъект историографического процесса.

Современные социологические и науковедческие исследования позволяют расширить понимание коммуникаций в науке с прежнего представления о научной коммуникации только как о средстве трансляции готового знания до понятия «коммуникативное поле» науки. Под коммуникативным полем науки нами⁵ понимается социальное пространство связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают научные идеи. Авторами проекта «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI вв.)» была выявлена структура коммуникативного поля науки, включающая в себя как внутринаучные, так и внешние коммуникации. Причем внутринаучные коммуникации охватывают внутридисциплинарные и междисциплинарные связи, а внешние больше ориентированы на социокультурный контекст, в котором красной нитью проходит властный уровень коммуникативных практик.

Складывание коммуникативного пространства исторической науки в России начинается с момента ее институционального оформления в начале XIX в. Первоначально коммуникативным напряжением обладали университеты с историко-филологическими факультетами (Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский) и Академия наук, которые одновременно вырабатывали и транслировали нормы профессионального сообщества. Но уже в первой половине XIX в. параллельно с ними стали возникать профессиональные сообщества историков (например, Московское общество истории и древностей Российских), положившие в основу своей деятельности не столько сугубо научно-исследовательские и учебно-воспитательные, сколько научно-просветительские цели. С течением времени данная коммуникационная сеть, слабее испытывавшая влияние со стороны власти, значительно расширяется, вовлекая более широкий круг как профессионалов, так и любителей. Например, Русское географическое общество (1848–1917 гг.), Московское

⁵ Структура коммуникативного поля отечественной исторической науки разработана группой авторов при работе над исследовательским проектом «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI вв.)» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02. 740. 11. 0350.

археологическое общество (1864–1923 г.), Одесское общество истории и древностей (1839–1922 г.), Русское историческое общество (1866–1917 г.), Киевское общество летописца Нестора (1873–1917 г.), Историко-филологическое общество при Харьковском университете (1876 г.), Казанское общество археологии, истории и этнографии (1877 г.), Историческое общество при Санкт-Петербургском университете (1889–1917 г.), Историко-филологическое общество при Новороссийском университете (1889 г.), Историческое общество при Московском университете (1893–1917 г.). Как видим, пик появления новых исторических обществ выпадает на 1870–1880-е гг., что во многом связано с самоидентификационными процессами внутри исторической науки. Каждое из вновь организованных сообществ является коммуникативной единицей, своеобразным актором коммуникативного процесса, притягивающим специалистов в области археологии, отечественной истории, византиноведения, исследователей русского фольклора и народного быта.

Наряду с этим во второй половине XIX в. формируется новая, более эффективная в плане распространения и укрепления корпоративных норм, коммуникативная сетка в виде неформальных научных сообществ: кружков, журфиксов. Центром притяжения данных образований, как правило, была яркая личность историка, исследователя, учителя, научного наставника. Подобные неформальные структуры формируются вокруг К. Н. Бестужева-Рюмина, П. Г. Виноградова, И. М. Гревса, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и др. Внутри этой сети происходит активное обсуждение корпоративных норм и прецедентов их нарушения или изменения. Яркой иллюстрацией самоидентификации внутри научного сообщества историков является проблема научных школ и ее активное обсуждение в переписке С. Ф. Платонова и П. Н. Милюкова⁶, письмах А. Е. Преснякова к жене и матери⁷.

При официальных научных сообществах возникают периодические издания, большинство из которых в скором времени становится самостоятельным каналом называемой «письменной» или «печатной» коммуникации. В отличие от институциональной составляющей, это коммуникативное пространство в России второй половины XIX – начала XX вв., во-первых, подвержено строгому цензурскому контролю, заставляющему авторов и редакторов (редакторов-издателей) искать особый язык общения с недомолвками, недоговоренностями, с двойным или скрытым смыслом, намеками и т.д. Отсюда формируется характер-

⁶ Письма русских историков... 2003.

⁷ Александр Сергеевич Пресняков... 2005.

ный для данной эпохи журнальный дискурс, связанный не только с самим печатным текстом, но и с историей его опубликования (или неопубликования) и дальнейшей реакцией читающей публики. Во-вторых, «жизненность» подобных коммуникативных звеньев зачастую бывает недолговечной, что связано с отсутствием необходимых финансовых средств для продолжения издания, узостью читательской аудитории (и отсюда «нераскупаемость тиража», как у «Древней и Новой России») и оппозиционностью редакции. В-третьих, периодические издания обладают совершенно иной коммуникативной структурой, чем институции.

В институтах как коммуникативном пространстве исторической науки можно выделить следующие уровни: 1) *академический*, специализирующийся исключительно на научно-исследовательской работе, 2) *университетский*, занимающийся подготовкой кадров специалистов-историков и вырабатывающий официальные нормы вхождения в научное сообщество, 3) *уровень институализированных научных обществ*, заботящийся о «чистоте» научной корпорации и строгом соблюдении корпоративных норм, и 4) *неформальных научных объединений*, вырабатывающий неофициальные нормы научного сообщества и культивирующий специфические ритуалы «вхождения» молодых историков в науку.

В журнальной периодике выделяется иная структура коммуникативного пространства, связанная преимущественно с организационными принципами оформления издания: 1) *официальные издания центральных государственных учреждений*, транслирующие необходимые власти научные нормы, 2) *периодические издания официальных научно-исторических обществ*, публикующие результаты своих изысканий (как в области сбора исторической информации, так и в сфере ее научно-исследовательской обработки) и близкие к тематике их деятельности исторические исследования, 3) *специализированные исторические издания*, сформировавшие вокруг себя сообщество единомышленников и публикующие разнообразные исторические произведения, 4) *общественно-политические и научно-просветительские издания*, в которых участие историков было фрагментарным или имело ярко выраженный политический подтекст, отсюда и коммуникативные научные стратегии не носили устоявшегося характера. Данная коммуникативная структура получает наибольшее оживление в связи с юбилейными датами и обострением социально-политических противоречий в России, выражающихся в студенческих явлениях и революционных событиях начала XX в. Понимая условность подобной градации, попытаемся охарактеризовать коммуникативные особенности каждого из выделенных типов.

Среди официальных изданий, диктующих нормы сообществу историков со стороны политической власти, выделяется Журнал Министерства народного просвещения, состоящий в конце XIX в. из трех разделов. Первый из них был посвящен официальным распоряжениям правительства и сведениям о народном образовании, во втором – публиковались работы по гуманитарным областям знания, в том числе и по истории, последний раздел содержал рецензии, отзывы и библиографические данные о вышедших научных трудах. Опубликовать научную работу в этом журнале считалось престижным и подталкивало историков выстраивать сложные взаимосвязи. Так, знакомство и взаимная симпатия между П. Н. Милюковым и С. Ф. Платоновым позволили первому из них опубликовать свою магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого» на его страницах. Здесь же происходило не только признание, но и развенчание талантов знаменитых историков, как случилось с Д. И. Иловайским, чей учебник вызвал острую критику среди коллег⁸. Высокий статус издания диктовал и условия работы редакции, отобранной Министерством народного просвещения в соответствии с «благонадежностью» и «остепененностью» ее участников. Как отмечает тот же Платонов в письме к Милюкову, новый состав редакции после ухода из нее Л. Н. Майкова напрямую зависел от «избрания Васильевского в Академию»⁹ и получения им статуса «ординарного академика». Однако на страницах этого журнала интенсивного общения историков не происходило вследствие строгого отбора редакцией как статей, так и рецензий. Тон этому изданию задавало Министерство, редакция была в состоянии лишь как-то скорректировать тематику, но отступить от навязываемой властью линии не могла.

Сугубо специализированными были периодические издания, выходившие при исторических обществах. Так, при Московском обществе истории и древностей Российских выпускались «Чтения», «Записки и труды» и «Русский исторический сборник». Плодотворным было и Русское историчное общество (находившееся в ведении Министерства народного просвещения), публикуя «Сборники Русского исторического общества» и «Русский биографический словарь». Эти периодические издания являлись одновременно и средством коммуникации определенного исторического общества, и самостоятельной коммуникативной площадкой, на которой происходили знакомство с новейшими историческими наработками, научные дискуссии, а также «проба пера» начи-

⁸ Мамонтова. 2007.

⁹ Письма русских историков... 2003. С. 201.

нающих историков. На страницах этих журналов велось интенсивное общение между узкими специалистами-историками (этнографами и исследователями истории быта, «отечественниками» и специалистами по русской истории), что относится к внутродисциплинарному характеру научной коммуникации. Например, постоянными авторами «Чтений Общества истории и древностей Российских» при Московском университете были его активные члены: А. Н. Зерцалов, С. А. Белокуров, И. Е. Забелин, М. П. Погодин и другие.

Участие историков в специализированных журналах при других научных обществах было эпизодическим и представляло собой вариант междисциплинарного общения. Например, историки иногда помещали свои статьи, заметки и рецензии на страницах таких журналов как «Журнал гражданского и уголовного права» (В. Н. Латкин), «Юридический вестник» (М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев), «Русский антропологический журнал», «Журнал императорского Русского военно-исторического общества» и другие. Во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с самоидентификацией исторической науки и стремлением следовать сложившемуся позитивистскому канону, ученые неохотно шли на различные междисциплинарные заимствования, поэтому и участие в подобных изданиях носит неустойчивый характер. Исключением из этого правила являются «Записки» и «Известия Императорского Русского географического общества», на страницах которых происходило тесное междисциплинарное сотрудничество как историков, так и филологов, антропологов, краеведов, как профессионалов, так и любителей.

Более привлекательным было участие в специализированных журналах, сформированных в качестве самостоятельной коммуникативной площадки для ученых-историков. Каждый из начинающих исследователей стремился обнародовать результаты своих первых научных усилий на страницах таких ежемесячных изданий как «Исторический вестник», «Русский архив», «Русская старина», «Древняя и Новая Россия», «Библиограф», «Киевская старина». Выбор издания зависел не только от общественно-политических симпатий молодого исследователя и соответствующей позиции издания в данный период, но и от протекции научного наставника. Например, в историко-литературных исследованиях часто противопоставляется либеральная «Русская старина» консервативно-охранительному «Русскому архиву», в действительности же «Русская старина» охотно публикует материалы и такого «ярого реакционера» как Д. И. Иловайский.

Среди этой группы журналов можно выделить тесную взаимосвязь и даже общий редакторский коллектив. Например, идея создания

«Древней и Новой России» (название выбрано по аналогии с известной работой Н. М. Карамзина) была навеяна житейскими трудностями одного из историков — М. Д. Хмырова. После его смерти историк С. Н. Шубинский и библиограф П. А. Ефремов, подыскав издателя (в лице чиновника Государственного Банка В. И. Грацианского) и заручившись поддержкой части историков, начали с 1875 г. выпуск журнала. Первый номер открывался статьей профессора К. Н. Бестужева-Рюмина «Василий Никитич Татищев. Администратор и историк начала XVIII века. 1686–1750 г.». Стиль этого маститого историка просматривается и в Предисловии к изданию, где обосновывалась важность и своевременность данного мероприятия. Ученый был обеспокоен тем, что «в обществе распространяется множество неточных сведений, весьма часто украшенных фантазией самих сочинителей, забывающих предварить читателя о том, где оканчиваются факты и где начинаются их собственные соображения и измышления»¹⁰. Интерес же неискушенной публики к прошлому в представлении историка должен был удовлетворяться на основе результатов, выработанных наукой и изложенных в общедоступной форме. Отсюда и коммуникативная стратегия данного издания виделась как «цельный, связный рассказ, основанный на внимательном и подробном изучении источников», способный «представить возможно полную и беспристрастную картину события или характеристику лица», и ориентировалась на неопытного читателя. На деле, издание стало привлекательной коммуникативной площадкой для профессиональных историков (К. Н. Бестужев-Рюмин, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьёв, Д. И. Иловайский, В. И. Герье, Е. Е. Замысловский и др.). Но вскоре журнал разорился и был закрыт из-за «нераскупаемости тиража». Сначала С. Н. Шубинский начал отказываться от редактирования журнала по той причине, что тот не получил поддержки читателей и был убыточным (но редактор здесь лукавил, так как знал, что убыточными были и «Русский архив», и «Русская старина» с тиражом 1200 и 2000–3000 экз. соответственно). Тираж «Древней и Новой России» колебался между 1000 и 1600 экз., что было обычной практикой. Однако Шубинский уже мечтал об ином журнале. Он предложил продать убыточный журнал, а когда В. И. Грацианский отказался, Шубинский в сентябре 1879 г. снял с себя редактирование и начал сотрудничество с издателем «Нового времени» А. С. Сувориным, который создал новую коммуникативную площадку, ставшую вскоре крайне популярной среди профессиональных историков – «Исторический вестник».

¹⁰ Об издании сборника... 1875. С. 5.

Почин создания таких специализированных журналов поддержали многие историки (Бестужев-Рюмин, Соловьев, Костомаров, Забелин, Иловайский), размещая свои материалы на страницах «Древней и Новой России», а потом и на страницах «Исторического вестника». Последний из них стал мощной коммуникативной площадкой, публикуя исследования авторов, несмотря на их общественно-политические пристрастия, историко-научные интересы и схолярные взаимосвязи. Этот журнал стал самодостаточным коммуникативным звеном, радушно настроенным и к «ученой» молодежи, и к «известным в исторической науке именам», публикуя, например, первые работы С. Ф. Платонова и Е. Ф. Шмурло. Здесь происходит интенсивное профессиональное общение, которое одновременно и презентует результаты научных дебатов и задает импульс к обсуждению новых тем. В сообществе историков «Исторический вестник» воспринимается как аполитичное научное издание и имеет небывалый успех. Возникнув в 1880 г., через 8 лет журнал издавался тиражом уже в 5200 экземпляров, а к 1914 г. – в 13 тысяч. Журнал занял ведущее положение исторических журналов, наряду с «Русским Архивом» и «Русской Стариной». Отличительной чертой «Исторического вестника» было стремление публиковать на своих страницах и законченные научно-исследовательские работы, и литературные произведения, и рецензии, и обзоры, сочетая тем самым коммерческий успех, научность и доступное изложение материала.

К последней группе периодических изданий, на страницах которых появлялись небольшие заметки профессиональных историков или любая другая информация о них, относились историко-литературные, литературно-политические, научно-популярные, критико-библиографические, общественно-политические, иллюстрированные журналы. Среди них можно выделить журналы со специализированным неисторическим уклоном – «Русский Филологический вестник», «Филологическое обозрение», «Семья и школа», где возможна была междисциплинарная коммуникация историков с представителями гуманитарного знания. Среди остальных изданий имелись журналы с явной политической направленностью («Минувшие годы», «Голос минувшего», «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русский вестник» и др.), в которых историки принимали участие в зависимости от их политических интересов (например, П. Н. Милюков помещал свои статьи в «Мире Божьем», в «Русской мысли» В. И. Герье, В. О. Ключевский, в «Русском богатстве» В. И. Семевский и т.д.). Была еще категория «обывательских», но весьма популярных журналов, среди которых выделялась «Нива» – ежене-

дельный журнал литературы, политики и современной жизни с приложениями (тираж достигал 200 тыс. экз.). На его страницах помещались краткие заметки о событиях «в научной жизни», из которых широкая публика узнавала не только о главных событиях в исторической науке, но и о содержании тех или иных споров, научных достижений.

Характеризуя коммуникативное пространство периодических изданий исторической науки рубежа XIX–XX вв. следует отметить, что из выделенных четырех групп наибольшую интенсивность имели специализированные журналы наподобие «Исторического вестника», которые изначально формировались как коммуникативная площадка профессиональных историков. Таких журналов было немного (три с большим тиражом и четыре с небольшим), но именно они концентрировали вокруг себя практически всех историков-профессионалов (и даже любителей старины), на их страницах осуществлялась, как правило, внутридисциплинарная коммуникация. Второй по значимости была группа периодических изданий (девять наименований), выпускаемых официальными научно-историческими обществами, самыми популярными из которых были Чтения Московского общества истории и древностей Российских. Здесь коммуникация приобретала сугубо специализированный характер, во многом ориентируясь на интересы своего официального органа.

Междисциплинарную коммуникацию осуществляли пять специализированных изданий, выходившие при неисторических обществах: юридических, филологических, антропологических, географических. Но участие историков не было систематическим, что подчеркивало отсутствие стремления исторической науки к междисциплинарному общению и строгому ограничению «своего исследовательского поля». Особую важность приобретала внешняя коммуникация, с одной стороны ориентированная на властный уровень (Журнал Министерства народного просвещения), а с другой – на социокультурный контекст эпохи, связанный с непрофессиональным читателем, обывателем рубежа XIX–XX вв. Участие в первой группе (куда мы отнесли только один журнал) было подчинено особым законам, связанным с поддержанием запросов власти и, естественно, с «политической благонадежностью» автора.

Самой пестрой оказалась последняя группа журналов (23 наименования), где коммуникация носила непостоянный, можно сказать, случайный характер, активизируясь в юбилейные даты и значительно ослабевая в связи с политизацией того или иного издания. Но этот тип коммуникации был очень важен для исторического сообщества, так как он осуществлял обратную связь с широкой публикой и формировал так называемый

«социальный заказ» исторической тематики. Через этот канал общество узнавало о важных маркирующих событиях внутри научного сообщества историков, таких как защита диссертаций, публичные выступления, назначения на административные должности и т.п. На страницах этих журналов также происходило междисциплинарное общение с представителями других гуманитарных дисциплин (филологами, библиографами, военными, искусствоведами) и даже с естественниками. Но оно носило зачастую также фрагментарный характер.

В советский период наблюдаются трансформации коммуникативной сетки исторической науки, в частности, на некоторый период сохраняются старые журналы, появляются новые издания, меняется взаимоотношение, как самих изданий, так и авторов с властью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н. Н.* «Своя игра»: историк вне «школьной» традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова. Вып.4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 238–267.
- Алеврас Н. Н.* Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «отечественная историография») // Вестник ЧелГУ. Сер. 1. История. 2005. № 2. С. 99–113.
- Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.
- Ананьич Б. В., Панях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. №5. С. 105–114.
- Антощенко А. В.* П. Г. Виноградов: долгое краткое возвращение в alma mater // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып.5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 178–205.
- Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. 246 с.
- Гришина Н. В.* «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX вв. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып.5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 151–177.
- Гришина Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке в российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
- Кефнер Н. В.* Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н.. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 26 с.
- Кныш Н. А.* Образ советской исторической науки и историка в газете «Культура и жизнь» (к вопросу об особенностях коммуникативного пространства) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова. Вып.4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 332–364.

- Корзун В. П.* Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Ейдос. Альманах теории исторической науки. Вып.4. Киев 2009. С. 407–409.
- Мамонтова М. А.* Неформальные сообщества историков как коммуникативная площадка исторической науки // Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика С. Ф. Платонова (г. Нижневартовск, 15 мая). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. С. 8–13.
- Мамонтова М. А.* Poleмика С. Ф. Платонова и Д. И. Иловайского по поводу модели исторического исследования как коммуникативное событие // Феномен несогласия в истории гуманитарных и естественных наук и биографиях ученых: Хрестоматия. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 427–430.
- Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1. Журналистика в контексте науковтвoрчества в России XVIII–XIX вв. М.: РГГУ, 1998. 383 с. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М.: РГГУ, 1999. 511 с.
- Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Мягков Г. П., Филлимонов В. А.* Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н. И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. – Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 164–173.
- Об издании сборника «Древняя и Новая Россия» в 1875 г. // Древняя и новая Россия. 1875. №1. С. 5–6.
- Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / Под ред. проф. В. П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. 306 с.
- Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.
- Свешиников А. В.* «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. Вып.1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 231–262.
- Свешиников А. В., Антощенко А. В.* Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 2. М.. 2007. С. 115–134.
- Серых А. А.* Поколенческая идентичность историков России в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Омск, 2010. 23 с.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Цамутали А. Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.1. СПб., 1993. С. 138–142.
- Мамонтова Марина Александровна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии ОмГУ им. Достоевского, marina_tamontova@rambler.ru.